

Ольга Улита

**В ожидании
сердца**

18+

Ольга Улита

В ожидании сердца

«Автор»

2026

Улита О.

В ожидании сердца / О. Улита — «Автор», 2026

Пятнадцатилетняя Кира получает шанс на спасение и ложится на лечение в клинику. В мире бушует эпидемия вируса, который истончает стенки сердца. Сердце Киры может не выдержать ни физических, ни эмоциональных нагрузок. Она вынуждена была жить в изоляции, чтобы никого не заразить, и должна постоянно следить за своим пульсом. Спасти от вируса может только трансплантация сердца и только тех, у кого сердце ещё не перестало расти. В клинике Кира знакомится в двумя парнями, которые тоже ждут операции. И впервые за много лет Кира чувствует себя живой. Но успеют ли они дождаться подходящих доноров, прежде чем перестанут расти? Не исключат ли их из программы за нарушение больничных правил? И не угробят ли они себя, подвергая свои сердца неожиданным нагрузкам, особенно когда героев захлестнула первая любовь, без которой жизнь теряет смысл?

© Улита О., 2026

© Автор, 2026

Ольга Улита

В ожидании сердца

Глава 1

Глава 1

Кира была на похоронах трижды, но запомнилось ей только одно. На поминках её тётки дедушка встал из-за стола и произнёс: «Тяжело детям хоронить родителей, но родителям хоронить детей намного тяжелее», и его глаза увлажнились. А Кира с двоюродной сестрой заплакали навзрыд.

Не прошло и сорока дней, как родителям Киры назвали её диагноз. Тот же самый. Как у всех. И она сразу поняла, чем это может закончиться.

Впрочем, прошло уже пять лет, а она ещё жива. Пять лет из её пятнадцати. Треть жизни, которую она, считай, и не жила.

Кира завернулась в пушистое полотенце цыплячьего цвета и вышла из ванны. Вернее, сначала она зажмурилась и закрыла левой рукой глаза. Правой рукой, на которой крепился катетер и оповещатель, Кира открыла дверь в свою комнату, и привычным движением щёлкнула по выключателю. В комнате сразу погасло ультрафиолетовое свечение и стих надрывающий очиститель воздуха. Только после этого Кира открыла глаза и прошлёпала мокрыми ногами по полу, привычно скривившись от ненавистного запаха «обеззараженного воздуха».

Так же брезгливо она когда-то вдыхала запах хлорки в бассейне: вроде знаешь, что так и должно быть для твоей безопасности, но организм всё равно норовит вывернуть наизнанку.

Как давно это было.

Кира мотнула головой. С чего это ей вспомнился бассейн? Душем воспоминания навеяло, что ли?

Взгляд скользнул по комнате, ни за что не цепляясь. Да и зацепиться-то было не за что: белые стены, белая постель, белый шкаф и белый стол с пластиковым креслом. Разумеется, тоже белым. Когда родителям сказали, что Кира больна и комнату надо обеззаразить, мама просто выкинула и сожгла все её книжки, игрушки, подушки, пледы, шторы, ковры и мягкую мебель, а отец покрасил всё, что осталось, двумя толстыми слоями белой краски. Вроде и её комната, а вроде и нет.

Кира распахнула створки платяного шкафа. На вешалках висели исключительно пижамы самых разных цветов и принтов: бежевая, в мелкие сердечки; жёлтая, в огромные цветочки; зелёная, со стволами бамбука; нежно-розовая, с цветущей сакурой; умопомрачительно-голубая, с котятками; фиолетовая, с вышивкой; бордовая, отороченная кружевами... и так далее, до шоколадно-коричневой с усатым ощерившимся леопардом и иссиня-чёрной, с золотыми солнцами, лунами и знаками зодиака.

Кира оглядела всю палитру, думая, какую пижаму выбрать под сегодняшнее настроение. Но настроение у неё последнее время было одинаковое. Тоскливое. А тоскливых цветов в её шкафу не наблюдалось. Мама всю старалась, чтобы хоть пижамы её радовали.

Кира бросила мокрое полотенце на кресло и нырнула под одеяло голышом, всё равно родителей не бывает дома до вечера, - кто её увидит.

**

Кира проснулась от хлопка входной двери. В коридоре шумно и торопливо раздевались. Она услышала шёпот родителей.

- Давай, ты ей скажешь.

- Нет, лучше ты.

Мама и папа пришли вместе? Обычно отец задерживался допоздна, пытаясь заработать ей на трансплантацию и лечение в клинике. Или она так долго спала? Кира глянула на часы. 15:15. В это время оба родителя должны быть на работе.

Она заволновалась, и сердце застучало быстрее. Маленький прибор с оповещателем, закреплённый над её локтем, тихонько запищал. Кира старалась дышать медленно и глубоко, чтобы успокоиться, села на кровати и вдруг поняла, что так и не оделась после душа. Она резко вскочила, дёрнувшись к платяному шкафу с пижамами. Сердце застучало, словно перешло на галоп. Оповещатель угрожающе запищал, мигнул красным и тут же впрыснул дозу успокоительного через катетер в её руке.

За дверью послышались приближающиеся шаги родителей.

- Не входите! Я не одета! – только и успела крикнуть она, и упала без сознания.

**

Очнулась Кира в своей постели, на ней была нежно-зелёная пижама с одуванчиками. Мама и папа сидели рядом, в белых защитных костюмах и масках.

- Солнышко наше, - начала мама, переглянувшись с папой и погладив руку дочери холодной и скользкой, как рыбы кишки, перчаткой. В маминых глазах блестели слёзы. – Ты только не волнуйся. До тебя, наконец, дошла очередь!

- Моя очередь? – глупо переспросила Кира, и кровь прилила к её щекам, а прибор снова запищал.

Мама улыбнулась и шмыгнула носом. Впопыхах, родители не успели сбрызнуть свои маски антизапотевателем, и на прозрачном пластике начала появляться белёсая муть. Их радостные глаза словно заволокло туманом.

- Успокойся, милая, - сказал папа и взял Киру за другую руку, по которой расплывались не проходящие синяки от инъекций. – Завтра утром полетим в клинику.

- Уже завтра? – сорвался с ее губ ещё один глупый вопрос. Она старалась глубоко дышать. Если ей сделают операцию вовремя, она будет жить! У неё появился шанс! Уже завтра...

Кира взволнованно окинула взглядом свой шкаф с пижамами, дверцы которого всё ещё были открыты. У неё же нет никакой уличной одежды – вдруг осенило её. Вообще никакой!

Все годы болезни она жила в ожидании, что этот день когда-нибудь настанет. А когда он настал – оказалась не готова!

Под противный писк оповещателя Кира опять провалилась в сон, вызванный новой порцией успокоительного.

**

На следующее утро Кира надела белый защитный костюм и маску, а сверху натянула мамину куртку и брюки, которые были ей велики, и совершенно не шли. Вместе с мамой они поднялись на крышу и устроились на заднем сиденье папиного автомобиля.

Дверцы почти бесшумно закрылись.

- Все пристегнулись? – весело спросил папа.

Кира смущённо ойкнула.

- Ничего-ничего, просто давно не летала, - взволнованно зашебетала мама, помогая ей с ремнём безопасности.

Они, наконец, взлетели.

Сколько лет Кира не была на улице! Она прилипла к окну. Под ними проплывали дома и дороги, куда-то спешили люди ... Целые толпы людей. Как же Кира от них отвыкла. С таким диагнозом, как у неё, не пускают к здоровым людям, чтобы никого не заразить. Вообще никуда не пускают без специальной защиты и разрешения от властей. Да и с разрешением можно поехать только в клинику (если повезет) или морг (если не очень). Они – угроза для общества. Кира ещё раз старательно проверила крепления маски, чтобы ненароком не стать распространителем вируса.

Аэромобиль набрал высоту, заложил крутой вираж и направился за город.

Кира зачарованно смотрела на жёлто-зелёно-красные шапки деревьев, пожухшие газоны, мокрые от дождя дороги и эстакады, а на горизонте... Что-то засверкало, словно семейка разыгравшихся солнечных зайчиков.

- Море! – воскликнула Кира, едва не подпрыгнув на сиденье. Её пульс учащённо забился и оповещатель на руке запищал в унисон.

- Да, твоя клиника находится на побережье, - сказала мама, поглаживая её руку, а, точнее, рукав пальто.

- Может, заедем ненадолго? – с надеждой спросила Кира.

- Возможно, ты сможешь видеть море прямо из окна своей палаты! – с энтузиазмом продолжила мама, игнорируя вопрос Киры.

Как давно Кира не была на море... Лет семь назад, ещё до начала эпидемии.

Кира вспомнила как маленькая сидела на линии прибойя. В тот день были большие волны, поэтому родители не разрешили ей плавать, только сидеть на кромке воды. И Кира послушно сидела. Каждая волна окатывала её до самых плеч, норовя выбросить на берег, а потом откачивала обратно, маня за собой в глубину, и Кира мечтала, чтоб волна хоть ненадолго утащила её в море.

Кира вдруг остро почувствовала, что отдала бы сейчас что угодно за ту ласковую тёплую волну, что окатит всё её тело, словно обнимет, и защекочет пеной.

- Я не хочу смотреть на море из окна. Я хочу поехать на море, – сказала Кира, впрочем, ни на что не надеясь.

- Когда тебя выпишут, мы обязательно поедem на море, – тут же пообещал папа.

- Но мы же можем заехать сейчас, – упрямо повторила Кира.

Родители переглянулись.

- Солнышко, нам никак нельзя опаздывать, – внушающе произнесла мама. – И ты прекрасно знаешь, что пока тебя не прооперируют, тебе противопоказаны любые нагрузки.

- Да и зачем тебе море? Купаться всё равно нельзя. Холодно, – попытался образумить её папа. – Вот летом...

Однако, чем больше ей отказывали, тем больше росло её упрямство.

- Но мы ненадолго, – просительно прошептала она, как будто от этой поездки на море действительно что-то зависело в её жизни.

- Милая, у нас нет времени...

- Это у меня нет времени! – перебила Кира и оповещатель на руке возмущённо запищал. – А если я не доживу до операции или лечение не поможет? Я так и не попаду на море! Давайте сейчас...

- Успокойся, дорогая...

Оповещатель запищал так, что заглушил их спор. Прибор щёлкнул и впрыснул успокоительное ей в кровь.

- Нам нельзя сходить с маршрута, только до клиники. Если кто-то узнает... - голос отца становился всё тише и дальше.

Ей ничего нельзя. Ничего, что она действительно хочет и что вызывает у неё эмоции и желание жить. Чтобы избежать смерти, она должна избегать жизни.

Кира повалилась на бок, повисла на ремнях безопасности и уснула.

**

У ворот инфекционной клиники родители сдали Киру, вместе с её чемоданом, на руки медикам. Верхнюю одежду вернули маме, и едва Кира успела махнуть родителям рукой, как двери закрылись.

Клиника располагалась в лесу, вдали от дорог. Мама говорила, что раньше здесь был санаторий: прекрасная экология, чистая вода и воздух, который лечит. Но с началом эпиде-

мии санатории, гостиницы и базы отдыха переделали под изоляторы для заражённых. А здесь построили 25-этажную инфекционную клинику. К счастью, в ней не только содержали больных, но и оперировали. Так что пациенты имели шанс выйти отсюда живыми. Во всех остальных изоляторах люди просто мучительно ожидали конца.

В приёмном отделении Киру раздели и осмотрели. Чемодан со всеми вещами отправили на санобработку, а её переодели в ночную сорочку и халат непомерного размера, и отправили дальше.

Кто-то из санитаров (Кира не разобрала – мужчина или женщина – из-за мешковатого защитного костюма и упорного нежелания поворачиваться к ней лицом) завёл её в лифт. Он был тёмный, без привычной стеклянной стены, зеркала и даже без указателей этажей. Лифт бесконечно долго поднимал их на 25-ый этаж, периодически щёлкая и дёргаясь, словно раздумывая, на каком этаже высадить Киру и не вернуть ли её назад.

Наконец, они вышли на свет. Перед Кирой была открытая галерея – этакий большой балкон, опоясывающий всё здание. Девушка шагнула вперёд, и холодный ветер тут же растрепал её волосы и захлопал полами больничного халата.

Кира пошла за санитаром вдоль череды дверей и окон: окно, дверь, дверь, окно; окно, дверь, дверь, окно... На каждой двери – табличка «25-010», «25-011», «25-012»...

«Лишь бы не тринадцатый!» – почему-то мелькнуло у неё в голове. Но они прошли дальше и остановились возле бокса 25-016.

Санитар открыл электронным ключом дверь и вошёл. Кира проследовала за ним.

- Здесь санузел, – сказал санитар, показывая на белую глухую дверь. – А это твой бокс.

Санитарка (теперь Кира поняла, что это всё-таки женщина) открыла другую дверь – с окошком в верхней половине – и они зашли в крошечную палату с одной кроватью, маленьким столом и табуреткой. Помимо окна на галерею, по которой они сейчас пришли, в палате было ещё два окна: большое, словно витрина, и маленькое, с двумя дверцами, – для раздачи еды и лекарств. Из обоих был виден больничный коридор. Туда же вела ещё одна дверь. Санитарка открыла её и, предупредив: «Тебе в коридор нельзя», – вышла. Кира отчетливо услышала, как щёлкнул замок и зашумела санобработка.

Впрочем, больничный коридор её мало интересовал. Кира тут же вернулась в галерею и осмотрела окрестности. Осенний лес качался внизу, словно танцевал под одну ему слышимую музыку. Ветер на такой высоте дул свободно и легко, и казалось, что стоит взмахнуть руками, и ветер подхватит тебя и понесёт как на крыльях. Кира сразу представила, как здорово будет прогуливаться вечерами по галерее, разговаривать с другими пациентами, любоваться закатами, ловить ветер...

Кира раскинула руки и пошла навстречу ветру. Он был холодный, пронизывающий, колючий, но всё-таки живой. Её ступни тут же заледенели. Так и простыть не долго. Кира задумалась, не лучше ли вернуться назад, а гулять пойти позже, когда ей вернут одежду. Кроме того, у неё появилось сомнение: раз сейчас на галерее никого нет, значит, сейчас не время для прогулок. Утром обычно проводят осмотры, анализы и прочие процедуры. Надо вернуться в бокс, пока её не потеряли.

Она повернулась и застыла перед чужим окном. Кто-то из полумрака бокса смотрел на неё. Кира улыбнулась и помахала рукой. Человек дёрнулся, словно его застали за чем-то постыдным. Кира смутилась, отвела глаза и поспешно отошла от окна. Она не успела рассмотреть человека, да и не смогла бы – слишком там было темно, но вдруг человек переодевался или ещё что-нибудь в этом роде, а тут она...

Кира вернулась в свой бокс и села на кровать.

Маленькое окошко открылось со стороны коридора, и медсестра сгрудила в ячейку лекарства и баночки для анализов:

- Это сейчас... Это после еды... Это перед сном... Это завтра утром натошак...

Кира подошла ближе и внимательно смотрела, пытаясь запомнить, что к чему.

Медсестра захлопнула окошко, внутри ячейки раздался шум выкачиваемого воздуха, после чего раздатчик выплюнул всё на сторону Киры.

- Скоро придёт врач, – предупредила медсестра и собралась уходить.

- А когда будет время прогулок? – поспешила спросить Кира.

- Что?

- По галерее, – Кира указала на дверь за своей спиной.

- По этой галерее ходят всего два раза – когда поступают и когда выписываются, – мрачно отчеканила медсестра. – А тот, кто нарушает больничные правила, вылетает отсюда, как пробка.

Кира прикусила язык.

Медсестра подозрительно посмотрела на неё и, кажется, зашла в Кириный предбанник, потому что девушка услышала шум санобработки. Через полминуты медсестра вошла в её бокс – Кире в нос ударил резкий запах больничного санитайзера.

Медсестра прошла мимо Киры, словно та была пустым местом, вышла в другой предбанник – перед санузлом – и толкнула дверь на галерею. Дверь распахнулась. Медсестра выругалась и бормоча про себя что-то вроде: «Вот коза беспамятная! Получит она у меня!» вышла из бокса.

Через минуту она вернулась с ключом и защитным костюмом с маской.

- Одевай защиту, – бросила она Кире и сунула костюм ей в руки. Затем медсестра закрыла дверь на галерею и снова посмотрела на Киру. – Ну, что ты застыла? Одевайся, говорю!

Под писк своего оповещателя Кира принялась натягивать костюм. Неужели медсестра догадалась, что она выходила на галерею? И что теперь будет? Её выгонят? На глаза навернулись слёзы. Она так долго ждала... И так глупо...

Оповещатель изменил ритм и тональность писка, показывая, что предельные показатели достигнуты, и вколол Кире лекарство.

Кира легла на кровать, чтобы не грохнуться на пол. Последнее, что она услышала, было:

- Не, ну даже одеться сами не могут! Что за напасть-то такая...

**

Очнувшись Кира уже полностью одетая в защиту.

- Наконец-то очухалась, – недовольно заявила медсестра. – Пойдём.

Они вместе прошли санобработку в предбаннике и вышли в коридор. Медсестра повела Киру в самый конец, повернула за угол и ткнула пальцем в одну из дальних дверей.

- Туда пойдёшь.

- А... что там? – с опаской спросила Кира.

- УЗИ. А потом сразу обратно. Поняла?

Кира обрадованно кивнула и зашагала по коридору.

- Доходяга, – недовольно выдохнула медсестра ей в спину.

**

Перед кабинетом, в который послали Киру, уже стояли два человека. Ростом они были выше её, так что было не понятно, пациенты это или медперсонал. Здесь все ходили в одинаковых защитных костюмах. Уточнить Кира постеснялась и молча пристроилась в хвост очереди.

Услышав шуршание её защиты, человек, стоящий перед ней, обернулся.

- Новенькая? – спросил он. Парень был её ровесником и улыбался вполне добродушно.

Кира кивнула.

- Значит, это ты вчера по коридору раздетая бегала? – он толкнул локтем человека, стоящего в очереди первым, видимо, предлагая посмотреть на Киру.

- Что? – ошарашенно переспросила она.

- Признавайся, тебя видели, – с той же добродушной улыбкой, но уже тише заявил парень.

У Киры спутались мысли, а оповещатель запищал. Чтобы она, голая! бегала по коридору... Да кто ему такое сказал?!

- Спокойней, – сказал парень, услышав писк её оповещателя, и заговорщески добавил, – Мы никому не скажем.

Кира старалась глубоко дышать, но в промежутках между вдохами произнесла:

- Я... ни по каким... коридорам... не бегала.

- Да ладно отпираться. Ты ещё рукой помахала, – обиженно сказал он.

Тут Кира совсем ошалела. Ах, вот о чём он!

- Во-первых, это был не коридор, а галерея, – зашипела Кира. – Во-вторых, я там не бегала, а спокойно шла. В-третьих, я была не голая, а в халате!

- Я и не говорил, что ты была голая, – обернулся к ней парень, стоявший в очереди первым. – Я сказал «раздетая». На улице холодно, а ты – в одном халате.

Сказал он это таким спокойным и ровным голосом, что Кира и сама мгновенно успокоилась. Оповещатель тоже затих.

Парень с интересом рассматривал её лицо сквозь маску. И Кира тоже не стала отводить взгляд. Парень был очень высокий, Кире пришлось смотреть на него снизу вверх, и она почувствовала себя ребёнком. Маска была ему маловата, Кира увидела сквозь неё мужественное, почти взрослое лицо и длинные, как у девчонки, ресницы. Так вот, кто был тогда в окне, и кому она махала рукой.

- Вот так и рождаются сплетни, – хихикнул добродушный. – А меня, кстати, Пашей зовут.

- Кира, – представилась она.

- Артём.

- В четвёртых, нечего об этом звенеть на всю больницу, – прошептала Кира.

- А мы что? Мы никому! – прошептал Паша в ответ и сделал жест, будто закрывает рот на замок, а ключ зашвыривает куда-то на потолок.

Из кабинета вышел ребёнок в защите, которая была ему явно велика, причём на несколько размеров. Он важно прошёл мимо них, переваливаясь с боку на бок, словно пингвин в космическом скафандре.

- Следующий! – позвали из кабинета.

- Дамы вперёд, – то ли шутливо, то ли галантно отвесил поклон Паша.

Кира зашла.

**

Кира была в больнице уже пятый день. По сравнению с первыми двумя днями, полными событий, волнений и надежд, остальные оказались смертельно скучными и однообразными. Кира просто сидела в своём маленьком беленьком боксе из пластика и стекла и ждала подходящего донора. В принципе – как и все предыдущие годы дома. Но дома были родители, которые иногда заходили к ней. А здесь...

По телефону Кира разговаривать не любила. Да и о чём разговаривать, если ничего не происходит? Из окна на улицу было видно только пасмурное ноябрьское небо, из окон в коридор – белая больничная стена. Изредка проходил кто-то из медперсонала, в белой, как стены, защите и с пасмурным, как ноябрь, настроением. А подходящего донора всё не было.

Кира до ночи зависала в интернете и не понимала, как это люди раньше жили без него и не помирили со скуки.

Хорошо, хоть чемодан с вещами вернули.

Кира сидела в постели в самой тёплой из своих пижам – красно-зелёной в клеточку – как принт на рождественских салфетках. За окнами (одним и другим) было уже темно, и всем пациентам полагалось спать.

Кира раскрашивала по номерам картинку у себя в смартфоне. Она усердно тыкала пальцем в экран, вырисовывая солнечные блики на морской волне, как вдруг краем глаза заме-

тила за окном движение. Она даже не поняла, что это было. Чья-то тень мелькнула на галерее. Наверное, санитарка привела нового больного. Не отрывая глаз от экрана, Кира дотыкивала бледно-жёлтые кусочки и раздумывала, за какой следующий цвет взяться, как снова заметила тень, которая прошла мимо её окна. Или не прошла? Кажется, стоит и смотрит.

Кира понимала, что она, в ярко-освещённом боксе, с улицы видна как на витрине, и ей стало неуютно. Наверняка, это кто-то из медперсонала, но всё равно. Кире захотелось спрятаться. Неприятно, когда за тобой наблюдают, а ты даже не знаешь, кто.

Она поднялась и подошла к раздаточной ячейке, сделав вид, что ищет что-то в лекарствах, но сама смотрела в большое тёмное окно в коридор, которое как зеркало отражало всё, что находилось в комнате. Кира взглядела в отражение уличного окна: кажется, тень всё ещё была там. И даже не одна! Их стало двое!

Кира перепугалась. Оповещатель запищал.

Ещё не хватало упасть на глазах у этих...

Кира шагнула к двери и выключила свет. Всё, теперь её не видят. Кира осторожно вернулась на кровать, не отрывая взгляд от окна. Там отчётливо виднелись двое. Кажется, они говорили между собой, а затем отошли. Кира подкралась к окну и, насколько могла, оглядела галерею. Но там уже никого не было.

**

На следующий день Кира уже не находила во вчерашнем происшествии чего-то волнительного. Мало ли, кому из персонала понадобилось выйти на галерею. За пациентами постоянно наблюдают: по показаниям приборов и через большие окна-витрины из коридора. Не удивительно, что и через уличное окно кто-то решил заглянуть на огонёк. А может быть, всё ещё проще: пара дежурных санитаров вышли покурить. А у её окна остановились совершенно случайно. Они же не заразные – им можно.

Но когда наступил вечер, Кира почувствовала лёгкую тревогу. Вчерашние силуэты не выходили у неё из головы. А с наступлением темноты она и вовсе начала каждые пять минут коситься на окно. Невольно она ждала, что незваные гости снова появятся.

После отбоя, когда свет в коридоре выключили, и Кира осталась одна между двух тёмных окон, воображение её совсем разыгралось, и оповещатель недовольно запищал. И что, так будет всю ночь?

- Я их сама подкараулю, – решила Кира, откинув одеяло.

Равномерно дыша, чтобы успокоиться, она встала, выключила свет и, поставив табуретку в угол у самого окна, уселась в засаду. Впрочем, поразмыслив немного, Кира пришла к выводу, что если её окно не будет светиться, то те, кто за ней подсматривали, вряд ли подойдут. Они решат, что она уже спит, и смотреть им не на что.

Кира включила свет в туалете, а дверь в санузел оставила приоткрытой. Полоска света слегка освещала крошечный предбанник, а сама Кира уселась в углу палаты, оставаясь в тени. Теперь, если кто-то заглянет к ней в окно, он подумает, что она просто пошла в туалет.

Прошло с полчаса напряжённого ожидания, и Кира уже подумывала и правда лечь спать, когда заметила на галерее движение. В поле её зрения сначала появилась одна фигура, а потом и другая. Кира замерла, только сердце колотилось до стука в ушах.

Фигуры тоже остановились. Не было никаких сомнений, зачем они здесь. Они стояли возле перил галереи, но смотрели не на окружающий пейзаж или тёмное почти беззвёздное небо, а прямо в её окно. Они совершенно точно ждали её. И они были без защитных костюмов и масок!

Первый, тот, что был высоким и слегка нескладным, прислонился к перилам, словно хотел расположиться поудобнее. Казалось, он был готов ждать всю ночь. Второй, напротив, проявлял нетерпение, он подошёл вплотную к её окну и пытался рассмотреть сквозь приоткрытую дверь санузла, что же происходит внутри.

«Вот гад», - подумала Кира. Внезапно ей в голову пришла идея, вот только нужно будет незаметно включить телефон.

Кира осторожно спрятала телефон под пижаму и села так, чтобы никакое свечение не выдало её. Она провела пальцем по экрану, включила фотоаппарат и, вытащив телефон из-за пазухи, резко сунула смартфон буквально в нос проклятому вуаеристу. Вспыхнула вспышка, затем – вторая. Парень отшатнулся от окна. Запищал оповещатель. И не только у неё! В промежутках между сигналами своего оповещателя Кира слышала ещё один – за окном, и он быстро удалялся. Значит, по галерее ночами бродят пациенты без защиты!

Сердце стучало так, будто у неё их стало два, автоматический датчик сработал и впрыснул ей в кровь успокоительное. Кира сделала несколько шагов к кровати и рухнула на неё. Зато теперь у неё есть фотографии, по которым этого гада можно опознать.

**

Когда Кира очнулась, она первым делом полезла в смартфон. Но тут в окно постучали, Кира вздрогнула. За окном стоял один из наблюдавших: тот, который был высокий и нескладный.

Она потянулась к кнопке вызова медсестры, но парень включил телефон и направил свет себе в лицо. Она узнала Артёма. Он отрицательно качал головой, а потом приложил смартфон экраном к стеклу, и Кира увидела какую-то надпись.

Она подошла ближе и прочла: «Позвони» и номер телефона.

Кира фыркнула. С чего это она должна ему звонить?

Парень забрал телефон, написал что-то ещё и снова приложил смартфон к окну.

«Пожалуйста» и молящий смайлик.

Кира заколебалась.

Парень снова что-то написал.

«Я всё объясню».

Кира набрала номер.

- Ну ты даёшь, - без приветствия начал он. – Пашку чуть кондрашка нехватила.

- А меня? – в свою очередь возмутилась Кира. – Уставились тут в моё окно!

- Извини, мы не хотели тебя пугать.

- А чего вы хотели? Подсматривать за мной?

- Нет. Погулять тебя позвать, – совершенно буднично сказал он.

- Погулять? – Кира уже не помнила, когда её в последний раз звали гулять. И её сердце забилось сильнее.

- Ну да. Я могу открыть твою дверь. Выйдешь к нам? Ну, то есть, ко мне. Пашку я отправил в его бокс. Мало ли, что ты ещё учудишь.

- Пациентам нельзя выходить на галерею, – сообщила она ему таким же строгим тоном, каким медсестра разъясняла ей самой больничные правила.

- Но ты же выходила. В первый день. Когда поступила.

- Я просто офонарел, когда тебя увидел. Подумал, ничего себе, какая смелая! Среди бела дня, без защиты, – в голосе Артёма послышалось искреннее восхищение. И Кира поняла, что сейчас разочарует его.

- Я не смелая. Я просто не знала, что это нельзя! Мне никто не сказал. И дверь запереть забыли. Нет ничего смелого в том, чтобы выйти на балкон, если это разрешено. Но если запрещено... Нас исключают из программы и отправят по домам. А я хочу вернуться домой с новым сердцем и здоровой. Я пять лет этого ждала! – её сердце забилось сильнее, и оповещатель начал противно вторить ему.

- Успокойся, Кир, – кажется, он впервые назвал её по имени. – Никто не узнает. Мы с Пашкой постоянно гуляем.

Сердце и оповещатель ускорились так, словно бежали наперегонки.

- Заткнись! – крикнула Кира, понимая, что теряет контроль и вот-вот отключится.

- Ладно, заткнулся. Успокойся, – мягко повторил Артём и принялся глубоко дышать. Вдох, выдох. Вдо-ох – вы-ыдох. Вдо-о-ох... Вы-ы-ыдох...

Мама тоже всегда так успокаивала Киру. Это стандартные рекомендации для тех, кому вирус поразил сердце. Но мама всегда нервничала от её приступов чуть ли не больше, чем сама Кира, поэтому это мало помогало. А с Артёмом... Кира задышала полной грудью и почувствовала облегчение.

- Прости. Это я не тебе сказала заткнуться.

- А кому? – с удивлением спросил Артём, разводя руками и показывая, что больше тут никого нет. – Да ладно, не бери в голову, я не в обиде.

- Это я оповещателю, – смущённо сказала она.

Они оба рассмеялись.

- Тогда тебе точно надо прогуляться и поболтать. Раз ты уже разговариваешь с техникой. Кира невесело усмехнулась.

- Правда. Иногда полезно поговорить с тем, кто может заткнуться, если попросишь, – продолжал уговаривать Артём.

- Нет.

Они какое-то время молча смотрели друг на друга.

Наконец он произнёс:

- Жаль. Тогда хотя бы нас не выдавай.

- Ладно, – Кира кивнула.

Артём тоже кивнул и отключил телефон, потом махнул рукой и ушёл.

Окно снова стало пустым и тёмным. Оповещатель, наконец, замолчал, и стало так тихо, словно она была одна во всём мире. Она и ещё эта всепоглощающая тишина, глухая, тяжёлая, каменеющая с каждой секундой, и которую было так страшно нарушить, словно любой звук мог расколоть её, и мир тут же разлетелся бы вдребезги.

Смартфон завибрировал и зазвонил. Кира схватила его и прижала к уху.

- Ало? – спросила она, вглядываясь в темноту за окном.

- Я уже у себя, – раздался голос Артёма. – Просто хотел сказать. Если вдруг передумаешь, звони.

Кира молча покачала головой, но он, конечно, этого не увидел.

- И если не передумаешь, тоже звони... Звони по любому поводу... И без повода тоже.

Кира улыбнулась.

- А хочешь, я сам тебе буду звонить? Можно?

Кира опустила глаза.

- Можно.

- Тогда, ещё услышимся?

- Услышимся.

Не попрощавшись, Артём нажал отбой.

Но через пару минут позвонил снова.

- Знаешь, если ты смелая только, когда тебе разрешают, – с ходу заявил он, – то я тебе разрешаю. Тебе можно всё. Поняла?

- Поняла.

**

На следующий вечер Кира потратила битых полчаса времени, чтобы занавесить окно простынёй. Она, конечно, не выдаст, Артёма и Пашу, - пусть гуляют себе по галерее, раз им охота рискнуть здоровьем, но мысль о том, что они могут снова подглядывать за ней, вызывала у неё стойкое неприятие. И с этим надо было что-то делать.

Когда Кира закончила, она аккуратно слезла с подоконника и уселась на кровать, чтобы отдышаться и полюбоваться творением рук своих. Творение висело криво, и сверху была щель, через которую, при желании, можно было заглянуть в её бокс, если залезть на подоконник. Но переделывать было лень. К тому же щель была так высоко, что в поле зрения смотрящего наверняка попадёт только потолок и верх стены, а не её кровать. Поэтому Кира осталась вполне довольна.

- А это ещё что такое? – рявкнули у неё за спиной.

Сердце Киры тут же заколотилось быстрее.

Возле раздаточного окна стояла медсестра. Даже через маску Кира видела её недовольное лицо.

- Это штора, – попыталась объяснить Кира.

- Не положено! Мы её лечим, а она по подоконникам как обезьяна скачет. А если упадёшь, кто отвечать будет? И зачем тебе вообще эта тряпка?

- Мне ночью кошмар снился, что из окна монстры... – залепетала Кира, сочиняя на ходу.

- Какие монстры? Ну, как ребенок! От монстров она шторой закрывается!

От криков медсестры у Киры зануло сердце, а оповещатель начал жалобно пищать.

- Успокойся, – скомандовала медсестра. – Страшилок насмотрятся на ночь, а потом собственной тени бояться. Видела я твой кошмар.

- Видели? – настороженно переспросила Кира, и её сердце забилося ещё чаще. Неужели она видела Пашку и Артёма на галерее? Может, парней уже и домой отправили, а она он них за «шторой» прячется.

- Видела твою ночную кардиограмму, и что лекарство тебе пришлось вколоть.

- А у вас разве это видно?

- Конечно, у нас на пульте вы все видны.

- И что, – осторожно спросила Кира, – вы приходите, если сердце слишком сильно бьётся? Медсестра фыркнула.

- Для этого есть датчики, оповещатель и лекарство. Мы приходим, когда сердце НЕ бьётся, – сказала медсестра, а потом так сурово зыркнула на «штору», что будь та живая, быстро отлепилась бы от окна и спряталась под кроватью. – Значит так, пусть ночь повисит, но чтоб завтра к моему приходу этой самодеятельности тут не было!

Кира кивнула и юркнула под одеяло.

**

А ближе к полуночи снова позвонил Артём.

- Зачем эта штора? – сразу спросил он.

- Ты опять здесь? – спросила в ответ Кира.

- Да.

- Поэтому и штора. Чтобы вы не подглядывали.

- Мы и не собирались. Просто познакомиться хотели. Пашка тоже здесь.

- Привет, Кир! – раздался в телефоне такой радостный голос Пашки, словно они были знакомы сто лет, но просто давно не виделись.

- Привет.

- Выходи гулять! – шёпотом позвал Пашка.

- Нельзя, – так же шёпотом напомнила Кира. – Мы можем заразить друг друга.

(Кира отказывается, мотивируя, что они могут заразить друг друга. Это было актуально для «В метре друг от друга», но здесь... Надо подумать)

- Так мы не будем близко подходить.

- А если кто-то увидит?

- Ночью здесь никто не ходит, – вернулся в разговор Артём. – Пациенты поступают только утром. К тому же наш сектор и соседний полностью укомплектованы, а третий закрыт на сан-обработку. Сюда уже не докладывают новеньких, только на другую сторону здания.

- Откуда ты знаешь? – удивилась Кира.

- Выходи, я тебе и не такое расскажу.

- Можешь рассказать и по телефону.

- Не люблю говорить по телефону. Хочу видеть того, с кем разговариваю.

Его слова прозвучали искренне.

Кира подошла к окну и немного приоткрыла свою «штору». Оба парня стояли у её окна. Паша воодушевлённо заплотировал.

- Лучше закрой, – сказал вдруг Артём.

В Кире прокатилась волна возмущения. Сам же хотел её увидеть! Она обиженно отпустила простыню.

- Тебя может увидеть медсестра из коридора, – продолжил Артём. – И обязательно зайдёт проверить, чего ты там выглядываешь. Подойди к двери перед санузлом.

- Вчера тебя это не волновало, – всё ещё обиженно сказала Кира, хотя и понимала, что он прав. – Светил мобильником себе в лицо и никого не боялся.

- Иначе бы ты вызвала медсестру. Так что это был оправданный риск.

Кира зашла в предбанник, который не просматривался из коридора, и встала перед дверью на галерею. В стеклянном окне она увидела Артёма. Он стоял совсем рядом.

- Вот теперь привет, – улыбнулся он.

- Привет, – Кира улыбнулась в ответ.

Артём взялся за ручку двери и внезапно дверной замок щёлкнул. Кира испуганно отшатнулась назад. Они что, хотят зайти к ней? Оповещатель моментально запищал.

**

Артём тоже отступил от двери. Он что-то сказал ей в телефон, но Кира не слышала. Артём знаками показал, чтобы она поднесла смартфон к уху.

Кира медленно дышала, удивляясь, как её сердце выдерживает и почему ей ещё не вкололи лекарство. Она приложила телефон к уху.

- Выходи. Мы с Пашкой отойдём подальше, – Артём с Пашкой, и правда, отступили к перилам и разошлись в разные стороны галереи. – Халат только накинь или одеяло. Здесь холодно.

- Никуда я не пойду! Закройте меня! Немедленно!

- Да не ори ты так, услышат, – Артём подошёл к двери и закрыл замок.

Позади Киры вспыхнул свет.

- Услышали, – сообщил Артём, и они с Пашкой быстро скрылись в темноте.